

Дурная кровь

Автор:

Э. Чировици

Дурная кровь

Э. О. Чировици

Азбука-бестселлер

Нельзя верить собственной памяти.

Нельзя верить чужим словам.

Но как же узнать, что на самом деле случилось в ту роковую ночь?

Дождливым вечером в Нью-Йорке психолог Джеймс Кобб читает лекцию о восстановлении утраченных воспоминаний под гипнозом. После лекции к нему обращается незнакомец, который сорок лет назад проснулся в гостиничном номере, обнаружил в ванной изуродованный труп женщины – и не смог вспомнить, что произошло накануне. Теперь он неизлечимо болен, и ему крайне важно узнать перед смертью, кто он – убийца или невинный человек, случайно оказавшийся на месте преступления.

Заинтригованный, Джеймс приступает к распутыванию клубка старых тайн. Но каждый свидетель излагает собственную версию, каждый выявленный факт подсказывает новую трактовку событий. Похоже, кто-то очень постарался, чтобы правда осталась погребенной навеки.

Впервые на русском!

Э. О. Чировици

Дурная кровь

E. O. Chirovici

BAD BLOOD

© И. Б. Русакова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Реально – никогда, истинно – всегда.

Антонен Арто

Нет ни настоящего, ни будущего – одно только прошлое, которое повторяется снова и снова... И никуда от него не сбежишь.

Юджин О'Нил. Луна для пасынков судьбы

Пролог

Франция, Париж, октябрь 1976 г.

Первый терминал международного аэропорта Париж – Шарль де Голль напоминал осьминога: бесчисленные щупальца коридоров и пристроек тянулись от основного корпуса к другим инфраструктурным объектам. Обстановка внутри была футуристичной, людной и шумной. Молодой человек, войдя в вестибюль, с трудом подавил в себе желание развернуться и уйти.

Билет он купил накануне вечером в агентстве неподалеку от Рю-де-Ром. До вылета оставалось еще четыре часа, так что он был обречен провести уйму времени в помещении, где кислорода с каждой минутой становилось все меньше.

Подхватив сумку, молодой человек поднялся на второй этаж, чтобы найти место, где можно сесть. С июня служба безопасности аэропорта усилила бдительность: террористы захватили самолет, на борту которого было двести сорок восемь пассажиров, и потребовали вылететь в Уганду. Повсюду расхаживали патрули и экипированные, как в кино про постапокалипсис, агенты. Молодой человек старался на них не смотреть. Это будет ошибкой и только привлечет их внимание.

Отыскав в конце зала ожидания свободный столик, он сел, поставил сумку под стул и заказал двойной эспрессо. За окнами по темнеющему небу плыли мрачные дождевые облака, напротив ангаров выстроились самолеты, а между ними перемещались команды технического обслуживания и автобусы с пассажирами. Где-то рядом из маленького транзисторного приемника Роберта Флэк тихо пела «Killing Me Softly» – ирония судьбы.

Молодой человек твердо решил не думать о том, что произошло два дня назад. Во всяком случае, до его возвращения в Штаты. Он должен избавиться от этих мыслей, как избавляются от потенциально опасных предметов в багаже. Нельзя исключать возможность того, что ее родители уже подняли тревогу и соответствующие органы начали действовать. Если так – он один из главных подозреваемых, и полиция первым делом перекроет ему выезд из страны. Надо вырваться, добраться до дома, там он будет в безопасности. А уж потом можно поразмыслить над тем, насколько хорош план, который он привел в действие. Молодой человек мысленно с наслаждением произнес это слово «дом».

Дело было не только в том, что он нарушил закон. Он больше никогда ее не увидит – сама эта мысль невыносима. Когда она мелькала в голове, он чувствовал резкую боль, как от удара под дых. Его всегда пугала необратимость,

то, что уже нельзя будет исправить, и не важно, кто за это в ответе – он или кто-то другой.

В шестилетнем возрасте он получил на день рождения золотую рыбку в банке, похожей на половину футбольного мяча. Примерно через месяц он двое суток по забывчивости то ли не кормил рыбку, то ли не менял ей воду, а может, не делал ни того ни другого, и рыбка умерла. Однажды утром он обнаружил, что она неподвижно лежит на воде, как маленький драгоценный камень. Мама тогда сказала, что, вероятно, эта порода аквариумных рыбок очень чувствительна и его рыбка в любом случае погибла бы, но он не поверил. Его никто не ругал, но он знал, что смерть рыбки – его вина. Но сколько он себя не винил, ничего уже нельзя было исправить.

Молодой человек глотнул кофе, и в этот момент высокий потный мужчина спросил его, можно ли присесть за столик. Молодой человек вздрогнул от неожиданности и пролил кофе, но кивнул на свободный стул. Мужчина заказал капучино и два круассана. За круассаны он принялся сразу, как только официант принес заказ.

– Я впервые в этом новом аэропорту, – сообщил мужчина. Он смахнул крошки со стола и повел рукой вокруг. – На мой взгляд, они проделали отличную работу, вы согласны?

Мужчина говорил на французском, но с акцентом – растягивал «р» и проглатывал согласные. Молодой человек что-то пробормотал, соглашаясь с незнакомцем, потом промокнул губы салфеткой. И понял, что этот жест за последние два дня вошел у него в привычку, словно он постоянно пытается стереть пятна...

– Кровь, – сказал мужчина.

– Что? – Молодой человек непонимающе округлил глаза.

– У вас на пиджаке пятнышко, – объяснил мужчина. – Я врач, разбираюсь в таких вещах.

Молодой человек попытался найти пятно на пиджаке, но не смог: оно было у плеча и, чтобы его разглядеть, надо было снять пиджак.

– Должно быть, порезался, когда брился.

У него вдруг пересохло во рту, и он почувствовал, как капельки пота стекают по позвоночнику.

– Странно, я не вижу порезов у вас на лице. Вы англичанин?

– Нет, американец. Я, пожалуй, пойду, приятно было побеседовать, удачи вам.

Мужчина удивленно посмотрел на него, хотел что-то ответить, но молодой человек уже встал и затерялся в толпе у витрин.

В конце зала ожидания находились туалеты. Молодой человек зашел туда и заперся в кабинке. Запах освежителя воздуха был таким сильным, что его едва не стошнило только что выпитым эспрессо. Молодой человек достал из кармана паспорт, открыл и посмотрел на собственное фото.

«Все в порядке, – сказал он себе. – Ничего не случилось. Осталось продержаться час или два, потом я улечу, и никто ни о чем не узнает».

Молодой человек вышел из кабинки и, пока ополаскивал руки, увидел в зеркале пятно, о котором говорил незнакомец. Маленькое, размером с десятицентовик. Он снял пиджак и начал тереть пятно смоченным в мыльной воде бумажным полотенцем. Полотенце постепенно окрасилось в грязно-розовый цвет.

Спустя два часа молодой человек прошел проверку багажа, поднялся на четвертый уровень и направился к паспортному контролю. Стоя в очереди, он снова вытер салфеткой губы. Подавая таможенному офицеру паспорт в щель под стеклом, он все еще чувствовал жжение на губах.

Глава первая

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, одиннадцать месяцев назад

– Добрый вечер, леди и джентльмены. Меня зовут Джеймс Кобб, и думаю, кое-кто из вас в курсе, что последние несколько лет я исследую так называемые измененные состояния сознания, а точнее, гипноз. Сегодня я встречаюсь здесь с вами благодаря Фонду Джей Ли Бриджуотера, еще раз большое спасибо за их радушие и щедрость.

Я не собираюсь рассказывать о своей книге, которая посвящена этой же теме и которую, надеюсь, вы сочтете интересной. Я хочу поговорить о том, какими путями пришел к сделанным мной выводам.

Есть ли среди вас полицейские детективы, судмедэксперты или работники прокуратуры? Я вижу несколько поднятых рук. Уверен, любой из вас был бы счастлив заменить многие дни и ночи следствия, сотни процедур и долгие часы в допросной и в лабораториях на один сеанс гипноза, чтобы можно было просто ввести подозреваемого в транс и задать ему один-единственный вопрос: «Это сделали вы?»

Но так это не работает. Мы не можем гарантировать, что человек, погруженный в состояние гипноза, скажет нам правду, только правду и ничего, кроме правды. Как не можем гарантировать и то, что на его ответ не повлияют как минимум два существенных аспекта коммуникации – обман и фантазия.

По тем же причинам данные детектора лжи, который вначале почитался следователями как универсальное средство для разоблачения преступника, теперь принимаются судом только в качестве косвенной улики, да и то лишь в некоторых случаях.

В восьмидесятые некоторые психиатры для разоблачения случаев так называемых сатанинских ритуалов над детьми использовали сеансы гипноза, через которые проходили жертвы по достижении ими совершеннолетия. Сегодня мы знаем, сколько жизней было разрушено на основании фантазий участников исследований, которые были результатом манипуляций якобы объективных экспертов. Пребывая в транс, субъект не делится воспоминаниями о том, что произошло с ним на самом деле, он реагирует на вопросы гипнотизера таким образом, чтобы ему угодить.

В то же время мои исследования показывают, что под гипнозом сила воли субъекта драматическим образом ослабевает, а свобода воли и вовсе

обнуляется. Вот почему субъект в трансе способен по просьбе гипнотизера совершить действия, которые он в нормальном состоянии отказался бы совершить.

А теперь позвольте, я продемонстрирую это наглядно.

Условия такие: я задам два вопроса, а вы последовательно и по возможности не задумываясь на них ответите.

Готовы?

Итак, представьте, что вас пригласили на званый ужин в дорогой ресторан. В ресторане таблички с именами гостей разложены на каждом... Верно, на каждом столе. Кто убил Каина?

Вы отвечаете – Авель, хотя я уверен, вы не хуже меня знаете, что в Библии все произошло ровно наоборот: Каин убил Авеля, после чего бежал в землю Нод. Почему вы дали неправильный ответ? Объяснение не такое простое, как это может показаться на первый взгляд.

Да, словесная связь очевидна[1 - По-английски стол – table, Авель – Abel. (Здесь и далее примечания переводчика.)]. Но почему она повлияла на вас настолько, что вы не дали ответ, точность которого для вас несомненна? Тут мы должны принять во внимание тот факт, что вопрос задавал я, человек на подиуме, которого вы априори считаете более осведомленным, чем все в этой аудитории. В такой ситуации происходит передача ответственности, сравнимая с передачей ответственности, которая особенно ясна в моменты вооруженных конфликтов, когда массы людей следуют за своими лидерами, хотя приказы этих лидеров могут повлечь значительное количество смертей в их рядах. Аудитория автоматически признает того, кто стоит на подиуме, более осведомленным, и при таких условиях уровень внушаемости возрастает.

Или представьте, что вы в дождевых лесах Амазонки. Вас ведет проводник. Так как вы находитесь во враждебной и потенциально опасной среде, ваша жизнь под угрозой. В этой ситуации передача ответственности, как и доверие к проводнику, практически стопроцентная.

Я привел эти примеры, чтобы продемонстрировать вам, что происходит с человеком под гипнозом. Ответственность, которую субъект в состоянии измененного сознания передает эксперту, на порядок выше, чем та, которой он готов поделиться в так называемом нормальном состоянии. И, между нами говоря, зачастую это не больше чем... допущение.

Далее возникает вопрос относительности того, что принято называть реальностью. Посредством наших чувств и благодаря собранной и пропущенной через наш мозг информации мы знаем, что некий субъект – объект реальный.

Да, зал, в котором вы сейчас находитесь, существует в реальности, человек, который с вами говорит, и проекция презентации на экране – тоже реальность. Все это существует в реальности, вы согласны? Мы знаем, что это так, потому что можем все это видеть, слышать и осязать.

Таким образом, за реальность мы принимаем то, что согласуется с нашим собственным опытом. Но субъект, находящийся под воздействием сильнодействующих субстанций, таких как, например, ЛСД, знает, видит и осязает совершенно другую реальность. И эта реальность для него настолько же правдоподобна, насколько сейчас для нас с вами правдоподобна эта аудитория. Достаточно мизерного изменения в химической структуре такой сложной системы, как наш головной мозг, и мы почувствуем себя счастливыми или, наоборот, погрузимся в депрессию, станем непробиваемо спокойны или до крайности жестоки, будем апатичны или возбуждены, настроены на творчество или скучны. И все это вне зависимости от объективной реальности вокруг нас, вне зависимости от прошлого, от наших знаний или аккумулированной нами информации, которые вкуче формируют наши убеждения, нашу веру и стереотипы нашего поведения.

Учитывая все это, я задался вопросом: какой тип реальности описывает субъект под гипнозом? Реальность уникального, неповторимого момента или так называемую объективную реальность? Или субъективную, которую предлагает эксперт? Или реальность, которая формируется из накопленных в течение жизни представлений и убеждений? Реальность, которую можно назвать трансцендентальной и которая не является результатом обычного когнитивного процесса? Субъект транслирует то, во что он верит, то, что видит? Или только то, что, как он интуитивно чувствует, хочет услышать его ментальный гид, то есть терапевт?

А теперь предлагаю перейти ко второй части нашей встречи – я отвечу на ваши вопросы. В связи с ограниченным временем мы с организаторами договорились, что остановимся на пяти. Надеюсь, желающие задать вопросы записались на входе. В конце будет автограф-сессия у витрины. Благодарю за потраченное время, для меня сегодняшняя встреча – большая честь.

Вечером после лекции я планировал поужинать с моим другом Рэндольфом Джексонем и Брендой Рубен – моим агентом. Но Бренда подхватила ужасную простуду, а Рэндольф вдруг узнал, что на следующее утро должен быть в Атлантик-Сити, и спешно отбыл. Делать было нечего, я отправил Бренду домой отлеживаться, а сам вышел на улицу.

Пока я высматривал такси, ко мне подошел высокий худощавый мужчина с военной выправкой. Выглядел он лет на шестьдесят. Типаж сердцеда из тридцатых годов, с тонкими усиками, в черном костюме и черном же плаще. Представился как Джошуа Флейшер.

Как правило, после лекций и автограф-сессий я стараюсь избегать контактов с людьми из публики: они по большей части зануды, и отделаться от них очень трудно. Иногда после подобных встреч такие типажи присылают мне длинные письма или сообщения по электронной почте, в которых предупреждают, что ни мои деньги, ни моя известность не спасут меня от геенны огненной.

– Доктор Кобб, – сказал этот мужчина, – я бы хотел пригласить вас на ужин.

Мы стояли на входе в книжный магазин. Порывы ветра распахнули полы его плаща. Под мышкой у него был экземпляр моей книги, и прижимал он ее так, будто страшно боялся потерять.

– Спасибо, но у меня уже есть планы на вечер, – ответил я и начал спускаться с крыльца.

Мужчина деликатно дотронулся до моего плеча:

– Подозреваю, после подобных встреч вам часто досаждают люди со странностями, но уверяю вас – я не из их числа. У меня есть веские причины

полагать, что вас весьма заинтересует то, что я хочу вам рассказать. Я хорошо знаком с вашими работами и знаю, о чем говорю. Я прочитал вашу книгу месяц назад, сразу после ее выхода, и понял – вы тот, кто мне нужен.

Я еще раз поблагодарил этого Флейшера и еще раз отклонил его приглашение. Он не стал настаивать, но подождал, пока я не остановлю такси, и тогда сказал:

– Я напишу вам по электронной почте. Пожалуйста, проверьте на всякий случай спам. Прошу вас меня понять – это очень важно.

Уже забираясь в такси, я услышал, как он кашляет. Кашель был сильный и натужный, такой бывает у очень серьезно больных людей.

Об этой встрече я вспомнил только спустя два дня, в четверг, когда получил письмо по электронной почте.

Вот его содержание:

Дорогой Джеймс!

Надеюсь, Вы позволите так вас называть.

Возможно, следовало выбрать другой способ выйти на контакт с Вами, но мне показалось, что лучше встретиться лично. Я не зануда и не психопат, не увлекаюсь оккультизмом; меня не интересуют паранормальные явления или параллельные миры.

Полагаю, для начала следует рассказать немного о себе.

Если Вы не забыли – в тот вечер я Вам представился, – меня зовут Джошуа Флейшер. Родился я в Нью-Йорке, в семьдесят шестом окончил Принстон (у меня степень по английской литературе). В начале восьмидесятых унаследовал солидное состояние. В девяносто девятом, после одного трагического инцидента, переехал в Мэн. Я решил, что устал от жизни в большом городе, и купил имение неподалеку от прекрасного заповедника. Женат я никогда не был,

ни детей, ни других близких родственников у меня нет, родителей я потерял, когда мне было восемнадцать. У меня есть дальние родственники по материнской линии, они живут где-то на севере, но в последний раз мы общались по телефону лет тридцать назад, если не больше.

Надеюсь, Вы не поторопились счесть меня одиноким мизантропом, троглодитом, который прячется за своими деньгами и влиянием, полученным благодаря этим деньгам. Уверяю Вас, я принимаю активное участие в жизни общества. Не женился я из опасения, что рано или поздно настанет день, когда придется испытать ничем не измеримую боль на похоронах любимой женщины, а потом испить горькую чашу одиночества. Или, что хуже, заставить жену пройти через это.

Возможно, я все усложняю; возможно, я просто не встретил ту, которая заставила бы меня поверить, что мы снова встретимся после смерти. В моей жизни были женщины, иные очень много для меня значили, но мои чувства к ним я бы не назвал любовью. Ко всем, кроме одной. Это было очень давно, я расскажу о ней, когда придет время и если Вы согласитесь принять мое предложение.

Но все по порядку.

Я был членом правления десятка фондов и благотворительных организаций. Какое-то время в Бангоре преподавал английский в школе для детей с индивидуальными особенностями. Кроме того, принимал участие в программе помощи нуждающимся в Минерал-Каунти, где сейчас и проживаю. Так что скучать мне не приходилось, да и времени всегда не хватало, чтобы задаваться разного рода вопросами.

Но два года назад у меня диагностировали смертельную форму лейкемии. Предположили, что это наследственное. Мой дед по отцу умер от той же болезни. Я не стал себя жалеть или винить судьбу, просто последовал рекомендациям врачей и подписал все чеки. Три месяца назад они сообщили, что сделали все возможное, но я проиграл эту битву. Однако лекарства и терапия все же дают мне еще год жизни. Я не боюсь конца, мой уход не причинит никому боли, так что мне безразлично, случится это завтра или через десять лет.

Но есть один момент, в котором я должен разобраться. Это вопрос жизни и смерти, что звучит забавно, принимая во внимание мои обстоятельства. И я убежден, что Вы, Джеймс, способны помочь мне в этом деле.

Рассказать обо всем можно только при личной встрече, вот почему я попытался заговорить с Вами в тот вечер. Но я не хотел показаться навязчивым и таким образом уменьшить шансы на то, что Вы примете мое предложение. Кроме того, я думаю, что моя история заинтересует Вас с научной точки зрения, так как определенным образом касается измененного состояния сознания. Так что приглашаю вас погостить у меня в Мэне несколько дней.

Мой адвокат – Ричард Оррин, его контакты указаны ниже.

Каждый день дорог, Джеймс. Очень надеюсь, что Вы быстро придете к решению и что оно будет положительным.

А пока примите уверения в моем искреннем уважении.

С наилучшими пожеланиями,

Ваш Джош.

В конце письма был указан номер телефона и адрес адвоката.

Весь вечер я обдумывал письмо Флейшера.

Стиль письма свободный и связный. Полученная в интернете информация подтвердила указанные в нем факты. Флейшер действительно был покровителем искусств в своем округе, и местная пресса расточала похвалы в его адрес. Он помогал бедным подросткам поступать в университет, подвергшимся насилию женщинам – начать новую жизнь, бывшим заключенным – интегрироваться в общество, а детям с особенностями развития – получить должный уход и образование. Флейшер, можно сказать, стал у них легендарной фигурой – святой и гуру одновременно. Об «ужасной болезни», которая начала его пожирать, местные репортеры упоминали сдержанно и деликатно.

В общем, поводов не верить содержанию письма я не нашел. А человек, который посвятил свою жизнь помощи другим людям, заслуживает того, чтобы ему помогли в ответ.

С выходом моей книги заканчивался грант от Фонда Джей Ли Бриджуотера, и я решил, что мне стоит передохнуть. Какое-то время до этого у меня были отношения с моей коллегой Миной Уотерс, но уже два месяца, как мы решили перестать встречаться. Мы были не в том возрасте, чтобы строить иллюзии, и хорошо понимали, что у нас что-то не складывается. Порой я по ней скучал, но не настолько, чтобы нарушить наше соглашение и позвонить.

Так что, даже если визит к Джошуа Флейшеру займет больше двух-трех дней, у меня хватало свободного времени. Я был уверен, что этот визит не обойдется без сеансов и они будут своего рода подготовкой к смерти для человека, который, судя по его признаниям, не верил в Бога и загробную жизнь, а следовательно, не мог найти утешения в религии. И это обстоятельство подвигало меня помочь Флейшеру даже больше, чем его благотворительность.

Я никогда не верил в то, что источником благотворительности может служить только религия, как не верил и в благие намерения тех, кто выписывает чеки для разного рода благотворительных фондов. Для них это можно приравнять к уплате налогов. А те, кто опускает деньги в кружку для сбора средств в пользу бедных, делают это зачастую не из соображений гуманности, а из страха перед Всевышним.

Глава вторая

Офис Оррина располагался на Тридцать первой Восточной улице в старом восьмиэтажном особняке из песчаника, который, насколько я мог судить, вмещал порядочное количество солидных контор.

Возле стойки регистрации меня встретил помощник Оррина, он же и проводил меня на третий этаж, который практически весь занимала фирма «Оррин, Мердок и компаньоны». Как только часы в приемной пробили десять, меня сопроводили в офис с обтянутыми кожей стенами и паркетом из экзотического

деревя.

Оррин встал, и мы обменялись рукопожатием. Это был мужчина средних лет, высокий и лысый. Стена за его громадным столом была увешана дипломами в рамочках, а в застекленном шкафчике было выставлено несколько трофеев с турниров по гольфу.

Обстановка была именно такой, какую ожидаешь увидеть в подобных офисах, и это обстоятельство совсем не вдохновляло. Я даже почувствовал некоторое разочарование: тон письма Джошуа Флейшера намекал на тайны и загадки, которые мне, возможно, предстояло разгадать.

Оррин категорически запретил помощнику беспокоить нас в ближайшие полчаса, тем самым не напрямую обозначив временные рамки нашей встречи. После того как я отказался от предложенных напитков, мы сели в кресла у кофейного столика.

– Как я понимаю, вы приняли предложение мистера Флейшера, – начал Оррин, а сам при этом внимательно меня изучал.

– В принципе, да, – ответил я. – Но поскольку я до сих пор не в курсе, о чем конкретно идет речь, надеюсь, вы меня просветите и таким образом поможете принять окончательное решение.

У адвоката слегка опустились уголки рта.

– Увы, доктор Кобб, я не могу предложить вам никакой информации сверх той, что вы уже получили от мистера Флейшера. В данном деле моя роль заключается в следующем: я должен гарантировать мистеру Флейшеру, что с юридической точки зрения никакая информация ни о нем, ни о третьих лицах, с которыми вы можете вступить в контакт во время вашего визита к нему, не станет публичной в любой возможной форме. Проще говоря, мы заключаем с вами соглашение о неразглашении информации. Мистер Флейшер обратился ко мне, потому как мой офис базируется в Нью-Йорке, а он хочет быть уверен в том, что все будет урегулировано до того, как вы отправитесь в Мэн. Мы с мистером Флейшером знакомы более десяти лет.

– Как вам, вероятно, известно, в моей профессии существует строгий этический кодекс. Без согласия клиента я не имею права оглашать или использовать любую информацию, которую могу получить во время терапевтических сеансов. Ну и без ордера, естественно.

– Конечно же, мне об этом известно. Но мы ведь даже не знаем, будет ли это дело решено с помощью терапевтических сессий. Вы согласны?

Оррин достал из дорогой кожаной папки контракт – несколько скрепленных зажимом листов.

– Мы экологичная компания, и все наши контракты подписываются в электронном виде. Вы получите свою копию сегодня. Это будет первый контракт, он оговаривает медицинские услуги, которые вы будете оказывать мистеру Флейшеру. Боюсь, звучит грубовато, но такое определение – его выбор.

Оррин передал мне контракт, и я очень внимательно перечитал каждую страницу.

Согласно договору, я должен был оказывать мистеру Флейшеру медицинские услуги неконкретного характера в течение оговоренного срока, то есть шести дней. Мистер Джошуа Флейшер, в свою очередь, брал на себя обязательство выплатить мне аванс, который исчислялся пятизначным числом. Эта сумма была гораздо больше моих обычных гонораров, о чем я и сказал адвокату.

Он только пожал плечами:

– Сумма вознаграждения – решение мистера Флейшера, так что этот пункт договора я не комментирую. Если вы согласны с тем, что ваши услуги стоят таких денег, тем лучше для вас. А теперь – соглашение о неразглашении конфиденциальной информации.

Оррин передал мне второй контракт, который был куда подробнее первого. Он был составлен таким образом, чтобы исключить утечку любой, самой незначительной информации, которую я получу за время оказания медицинских услуг, оговоренных в первом контракте.

И тем не менее, согласно одному из пунктов, я мог использовать отдельные сведения в своих будущих научных публикациях, но только при условии, что сочту эту информацию крайне важной с научной точки зрения, а также изменю имена всех, кого касается эта информация, и никогда не придам их огласке.

Мне показалось, что это разумно и соответствует моей профессиональной этике, так что я без колебаний дал свое согласие.

Оррин убрал контракт в папку.

– Что ж, это хорошая новость для мистера Флейшера, – сказал он. – Осталось еще несколько моментов, которые нам надо урегулировать. Счет в банке, на который вы предпочли бы получить гонорар. Я этим займусь. И электронный адрес, на который мы могли бы переслать вам контракты на подпись.

Я передал Оррину свою визитку и банковские реквизиты, после чего подумал, что наша встреча подошла к концу, но адвокат продолжал сидеть в кресле, так что и мне приходилось оставаться на месте. Оррин погладил пальцами папку с контрактами и глубоко задумался, глядя куда-то в пустоту. На правом запястье у него был медный браслет, такие носят, чтобы облегчить ревматические боли.

– Как я уже говорил, – наконец произнес он, – я имею удовольствие быть знакомым с мистером Флейшером около десяти лет. И все это время не перестаю удивляться его колоссальной способности творить добро. Встречались люди, которые пользовались его добротой, а потом причиняли ему боль. Но, насколько я могу судить, мистер Флейшер никогда ни на секунду не пожалел о выбранном пути. И сейчас я счастлив, что способен оказать ему услугу, которая, принимая во внимание состояние его здоровья, может быть последней.

Я не стал комментировать этот пассаж, и Оррин продолжил:

– Я в курсе, что вас ценят в научных кругах. Вы вправе наслаждаться уважением своих коллег, но не стану скрывать: пару недель назад, когда мистер Флейшер посвятил меня в свои планы, я по своей инициативе провел небольшое расследование.

Всегда неприятно сознавать, что кто-то сует нос в твои дела, но мне было нечего скрывать, о чем я и сказал Оррину.

Он кивнул и продолжил:

– И я обнаружил нечто, что... заставило меня задуматься. Тем более что эта информация освещалась в прессе, скажем так, крайне скупо.

Я сразу понял, к чему он клонит, но не стал перебивать.

– Три года назад, если быть точным, летом, одна ваша клиентка, мисс Джули Митчелл, покончила жизнь самоубийством в своей квартире в Бруклине.

– Это случилось вечером двадцать третьего июня, – пояснил я. – Пятью годами ранее у мисс Митчелл диагностировали биполярное расстройство, и она трижды предпринимала попытки покончить с собой еще до того, как мы начали проводить сеансы терапии.

– И тем не менее родители мисс Митчелл подали на вас иск за преступную небрежность врача, – гнул свое Оррин.

– Ее родители были раздавлены горем. Их жизнь долгие годы была похожа на кошмар, и они поддались на манипуляции нечистоплотного адвоката, извините за выражение. Офис окружного прокурора отклонил иск. Это ужасно, но подобное случается. Практикующий терапевт должен принимать во внимание подобный исход в определенных случаях. У меня большой клинический опыт, мистер Оррин. Я не из тех, кто открывает свой кабинет в Верхнем Ист-Сайде сразу после университета и консультирует богатых вдов, покуривая трубку. Я родился и вырос в рабочей семье в маленьком городке в Канзасе. Что вы предлагаете?

– Я не хотел вас расстраивать, – заверил меня Оррин. – Это всего лишь один вопрос, оставшийся без ответа, и...

– В жизни любого человека достаточно нерешенных вопросов. Это и отличает людей от роботов.

– Похоже, я вас все-таки расстроил.

– Пожалуйста, не льстите себе. Вы не сделали ничего подобного. Вероятно, вы пытались отговорить мистера Флейшера от заключения контракта со мной из-за одного-единственного трагического инцидента.

В глазах адвоката мелькнула искра злости.

– Мой долг – информировать клиента о том, с кем он планирует вступить в договорные отношения. И я совсем не уверен в том, что слово «инцидент» уместно, когда речь идет о жизни молодой женщины. Кроме того, согласно моей информации, все гораздо сложнее, чем вы изложили. Насколько я могу судить, доктор Кобб, нет абсолютной уверенности в том, что мисс Митчелл совершила самоубийство. Офис окружного прокурора расследовал это дело, вы давали показания на слушаниях перед комиссией коллег. И вас дважды допрашивали в полиции.

– Это стандартная процедура, что абсолютно нормально в подобных обстоятельствах. Мисс Митчелл съехала от своих родителей за несколько месяцев до самоубийства, жила одна, и свидетелей не было. В отличие от предыдущих случаев, она не оставила посмертной записки. Но окончательный вывод таков: мисс Митчелл добровольно приняла смертельную дозу снотворного и умерла в результате кардиореспираторной остановки. После слушаний не было вынесено обвинений в преступной небрежности врача, а полиция рекомендовала обвинению отклонить иск, что и было сделано. Что-нибудь еще?

– Еще я узнал, что концентрация снотворного в крови мисс Митчелл в два раза превышала смертельную дозу, но в желудке его следов не обнаружили. Из чего следует, что жертве могли ввести смертельную дозу внутривенно.

– Повторная экспертиза все прояснила. Первый результат был ошибкой, вызванной человеческим фактором.

– Вы производите впечатление циничного и жесткого человека, – заключил адвокат и сильно прижал папку к столу, будто боялся, что я могу ее отобрать.

Я встал, и Оррин тут же последовал моему примеру.

– Буду ждать контракты, но вы можете считать, что они уже подписаны, – сказал я и вышел, не дожидаясь, пока меня проводит помощник Оррина.

Адвокат пробормотал что-то мне вслед, но я не разобрал слов.

Спустя пару часов на мою электронную почту пришли оба контракта. Я их подписал и отослал обратно. Ближе к вечеру мне позвонил Флейшер. Первым делом он поблагодарил меня за то, что я согласился на его условия.

– У меня сложилось впечатление, что ваш адвокат пытался заставить меня передумать, – сказал я.

Мой собеседник вздохнул:

– Что ж, доктор Кобб, похоже, все богатые люди раньше или позже оказываются окружены прихлебателями, или идиотами, или теми, кто сочетает в себе оба этих качества. Не знаю, как и почему так получается, но я давно понял, что это так и ничего с этим не поделаешь. В последние годы Ричард пытается стать для меня больше чем адвокатом, он хочет быть кем-то вроде наперсника или советчика, тут вы сами можете подобрать определение. А теперь он злится, потому что я не посвятил его в детали дела, из-за которого решил вас пригласить. Разумеется, я не посвящал его в эту историю. Могу я звать вас Джеймс?

– Да, конечно.

– Благодарю, и зовите меня Джош. Итак, Джеймс, вы предпочитаете лететь самолетом или доберетесь на машине?

– Предпочту на машине. Если выехать рано утром, к вечеру буду на месте, с учетом остановки на ланч.

– Тогда вам следует поехать по Девяносто первой автостраде, а потом по Восемьдесят четвертой, и не выезжайте на первую трассу вдоль побережья – движение ужасное, да и смотреть там не на что. А на ланч можете остановиться в Портленде, там как раз у дороги есть ресторан «Сьюзанс фиш энд чипс». Рекомендую заказать лобстера. Когда планируете выехать?

– Послезавтра, так что буду на месте в среду вечером.

– У вас есть какие-нибудь особые пожелания? Например, относительно питания?

– Нет, спасибо, никаких особых пожеланий нет. Но я хотел бы сказать, что оговоренная в контракте сумма, на мой взгляд, завышена.

Джош рассмеялся:

– До сих пор на это никто не жаловался. Обсудим все детали при встрече. Как по мне, так сумма приемлемая. Если вы считаете ее завышенной, всегда можете отдать часть денег на благотворительность.

– Как ваше самочувствие?

– Я отказался от всех видов лечения, принимаю только легкие болеутоляющие. По счастью, особой боли я не испытываю, так что пью лекарства редко и нахожусь в здравом уме и твердой памяти. Последнюю перфузию цитостатических агентов я проходил месяц назад. Прошу отметить, это я договорился с докторами, что больше таких процедур не будет. В любом случае, я уверен, у меня достаточно сил, чтобы довести задуманное до конца. И знаете, получив ваше согласие, я обрел второе дыхание.

– Рад помочь.

– До встречи в среду, Джеймс. Приятного вам путешествия. Еще раз спасибо, что приняли мое приглашение.

Перед тем как лечь спать, я думал о Джули.

Когда мы познакомились, ей было двадцать восемь, и, как мне казалось, она была самой красивой женщиной из всех, что я встречал в своей жизни. Мы начали сеансы терапии в феврале, а на следующий год, в июне, она покончила с собой.

В предыдущие три попытки она дважды пила снотворное и один раз резала вены. Принято считать, что самоубийцы редко меняют свои методы. Их попытки

покончить с собой – либо репетиция ухода из жизни, либо крик о помощи. Из чего следует, что человек, решившийся на такое, одинок, чувствует себя несчастным и жаждет внимания, пока еще не слишком поздно.

Но Джули не подходила под это описание.

До самого конца я скептически относился к диагнозу – биполярное расстройство. Бывали дни, когда она вела себя как самая уравновешенная женщина в мире, легко устанавливала вербальный контакт и даже не без удовольствия рассказывала о себе.

Джули не была асоциальной, она окончила Колумбийский университет по специальности «антропология» и магистратуру в Корнеллском университете. Работала копирайтером в солидном рекламном агентстве, хорошо зарабатывала, и коллеги ее любили. Джули редко бывала в плохом настроении и, даже когда грустила, могла объяснить причину своей грусти и трезво ее оценить.

Она не знала своих биологических родителей. Только на восемнадцатый день рождения приемные родители рассказали Джули, что удочерили ее в годовалом возрасте. Но больше не дали никакой информации. Они упрямо твердили, что сами ничего не знают, мол, такова была политика приюта, из которого они ее взяли. Приемные родители даже не рассказали ей, где именно находился тот приют.

На втором курсе Джули смогла скопить достаточно денег, чтобы нанять хорошего детектива. Но он ничего толком не раскопал и только подсовывал ей разную ложь, лишь бы вытянуть еще немного денег. У Джули не было никаких зацепок, ни имен, ни адреса, ничего. Часто, когда родителей не было дома – они жили где-то на Бруклин-Хайтс, – Джули пыталась отыскать какую-нибудь подсказку, но так и не нашла даже клочка бумаги, который бы указал ей верное направление поисков. Она даже сумела подобрать комбинацию к сейфу под столом отца, но ничего, кроме свидетельства о собственности, ценных бумаг и ювелирных украшений, там не обнаружила.

Тогда, по словам Джули, она и предприняла вторую попытку самоубийства. Ее мать страдала от бессонницы, и доктор прописал ей сильные снотворные таблетки. Пузырек с таблетками хранился в аптечке в ванной комнате, никто и не подумал их спрятать. Джули высыпала таблетки в кружку, залила молоком и

выпила, а потом пошла в свою комнату и забралась в постель. Родители забеспокоились только наутро, когда Джули не вышла к завтраку. Поднявшись в комнату дочери, они обнаружили, что она лежит без сознания, с белой пеной на губах.

Принудительная терапия, которую Джули называла кошмаром, и диагноз были слишком суровыми для девушки, которая, вероятнее всего, переживала постпубертатный кризис. А потом все начали выражать ей свое сочувствие. По словам Джули, это сочувствие давило на нее, как смирительная рубашка. Она чувствовала, как любопытные взгляды сверлят ее затылок, чувствовала замешанную на вежливости легкую обеспокоенность коллег, а родители все больше отчаивались и «сдували с нее пылинки».

– А вы сами можете сказать, почему это сделали? – спросил я. – Я про таблетки. Почему вы их выпили? Насколько я понял, вы приняли двадцать восемь таблеток. Если бы у вас были проблемы с сердцем, пусть даже незначительные, такая доза легко отравила бы вас на тот свет. Это не крик о помощи, Джули. Вы играли в русскую рулетку.

– Разве не вы должны это выяснить? – вопросом на вопрос ответила Джули с этой своей улыбкой, которой освещала мой кабинет вне зависимости от того, когда появлялась. – Разве не для этого я здесь?

– Все верно. Но я хочу узнать ваше мнение.

– Мое мнение не имеет значения, мистер, – сказала Джули. – Вы объясните мне, зачем вам это знать. Вы мой врач, а не учитель.

Я лежал на диване в гостиной при тусклом свете телевизора с выключенным звуком. И в тот момент у меня появилось предчувствие, что место, куда мне предстояло отправиться на следующий день, окружено темной, зловещей энергией. Как сырой, заваленный старым хламом подвал, напичканный опасными секретами.

Я выехал рано утром и уже спустя полчаса мчал по Девяносто первой автостраде в Мэн. Погода стояла чудесная, а трасса оказалась не настолько загружена, как я ожидал. С Девяносто первой я выехал на Восемьдесят четвертую, с Восемьдесят четвертой на Девяностую и к полудню уже был на подъезде к Портленду. Небо почернело, зарядил проливной дождь. Струи воды хлестали по шоссе, и фары встречных машин стали похожи на плавающие в реке светящиеся шары.

Есть мне не хотелось, так что я не стал останавливаться на ланч и продолжил движение по Девяносто пятой автостраде в сторону Фрипорта. На заправке я выпил кофе и расспросил местных о Вулфс-Крик – районе, где располагалось поместье Флейшера.

Петляющая в лесу грунтовая дорога привела меня от шоссе к большим кованым железным воротам. Я остановился, опустил окно и нажал на кнопку внутренней связи. Все это время за мной наблюдали две камеры охранной системы. Ворота медленно открылись, и я заехал в большой внутренний двор, разделенный пополам мощенной булыжником дорогой. Справа – огороженный сеткой теннисный корт, слева – бассейн и деревянная беседка.

Фасад особняка в колониальном стиле был наполовину увит плющом. На веранде сидел Джош в компании мужчины лет шестидесяти. Я вышел из машины, поднялся на веранду, и мы пожали друг другу руки.

– Очень рад вас видеть, Джеймс. Спасибо, что приехали, – сказал Джош. – Уолтер отнесет ваш багаж в вашу комнату.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять: более не сдерживаемая лекарствами болезнь начала глодать свою жертву.

Мы вошли в дом, а Уолтер сел за руль моей машины.

Единственным украшением коридора была огромная голова бизона на стене. Из коридора мы прошли в двухуровневую гостиную. Пол из массивных дубовых досок был устелен сотканными вручную коврами с индейскими орнаментами. Нижний уровень был обставлен кушетками, креслами и кофейными столиками. Верхний вел в кухню с разделочным столом в центре и большими стеклянными

дверьми, которые выходили в сад. Тут и там были расставлены предметы искусства, в основном этнические артефакты, но ничего претенциозного. Джош жестом пригласил меня сесть на кушетку, а сам расположился в ближайшем кресле.

Вошел дворецкий и поинтересовался, что бы я предпочел выпить. Я выбрал джин с тоником, а хозяин – «Манхэттен».

– Как прошло путешествие? – спросил Джош. – Надеюсь, вам понравился рекомендованный мной ресторан.

– Лучше, чем я ожидал, учитывая загруженность дороги. Но я ехал медленно и поэтому не стал останавливаться на ланч.

– Тем лучше – нас ждет отменный ужин. У меня последнее время нет аппетита, но если уж появляется, то как у беременных. Сегодня с самого утра жажду отведать жаркое из ягненка с розмарином. Не сомневаюсь, Мэнди приготовила для нас первоклассное блюдо.

– Сколько людей здесь живет? – спросил я, когда подали напитки.

– Сейчас – пять человек. – Джош слегка наклонил бокал в мою сторону, приглашая выпить. – Скажем так, необходимый персонал. Раньше было всего четверо, но пару недель назад я последовал совету своего врача и нанял медсестру на полный день. Просто на всякий случай. Все остальные служат у меня уже довольно давно. Я тщательно отбираю людей и достойно им плачу, поэтому они остаются со мной, и меня это устраивает. Я не любитель конфликтов и не предъявляю своему персоналу завышенных требований.

Интонации Джоша, его жестикация, взгляд – все свидетельствовало о врожденном благородстве, которое обычно ассоциируется со старой финансовой аристократией, элитными колледжами и не отягощенной бытовыми проблемами жизнью.

За ужином мы беседовали обо всем, кроме причины моего визита. Джош непринужденно менял тему разговора, при этом не бросался именами, не

утомлял гостя и был чужд самолюбования. Ужин действительно был первоклассным, а вино – просто превосходным.

За кофе Джош еще раз поблагодарил меня за согласие приехать.

– Ваше письмо меня заинтриговало, – сказал я. – И, признаюсь, меня притягивает все, что может заинтриговать.

– Ну, не стоит усложнять, Джеймс. Я всего лишь умирающий старик, который надеется, что болезнь, прежде чем убить, не разрушит остатки его достоинства. И он все еще надеется, что сможет найти ответы на нерешенные вопросы до своего ухода. Мне шестьдесят два года, я мог бы прожить еще лет двадцать-тридцать, но... Я верю в судьбу. Возможно, все происходит по какой-то причине, просто она ускользает от нашего понимания. Жизнь была ко мне благосклонна, за исключением одного момента... – Джош умолк и передернул плечами, как будто его вдруг зазнобило. – Оставим это, лучше расскажите немного о себе. Вы женаты, Джеймс?

– Мне тридцать пять, так что спешить пока некуда. Мой дед женился в двадцать один год, отец дождался согласия матери, когда ему было двадцать семь. Возможно, таков вектор развития. Все мои знакомые либо не женаты, либо разведены.

– Вы предпочли сказать «знакомые», а не «друзья», – заметил Джош.

– Это всего лишь слова.

– А я полагаю, это больше, чем просто слова. Я знаю вас лучше, чем вам кажется, Джеймс. Именно по этой причине из всех психологов и психиатров мира я выбрал именно вас, – сказал Джош и с улыбкой добавил: – К ужасу Ричарда Оррина.

После ужина Уолтер показал мне мои апартаменты на втором этаже. Небольшая гостиная, спальня и ванная комната. Все обставлено с отменным вкусом. Я принял душ и улегся в постель, предварительно положив на прикроватный столик детективный роман в бумажной обложке. Читать настроения не было, и я выключил свет. Тишина казалась нереальной. Только щебет ночных птиц просачивался в комнату сквозь окна с двойной рамой.

Джош мне сразу понравился. Он не был надменным или грубым, не мудрствовал и не пытался пичкать меня историей своего успеха в бизнесе. В нем не чувствовалось внутренней озлобленности, которая часто встречается у хронических больных. Как будто ты отчасти виноват в том, что с ними случилось, или служишь крошечным зубцом в механизме вселенной, который запустили специально против них.

Но в то же время Джош показался мне самым одиноким человеком из всех, кого я встречал в своей жизни.

Он был окружен богатством, но при этом напоминал жильца, которому нравится обстановка его роскошной квартиры, но он знает, что все это ему не принадлежит. Джош был чрезвычайно вежлив с прислугой, но выстроил между собой и окружающими стену, пробиться сквозь которую было сложнее, чем достучаться до властного хама. Каждый жест, каждый взгляд, каждое слово – все казалось продуманным до мелочей. В общении с ним складывалось впечатление, что перед тобой просто образ, маска, методично сформированная за многие годы, а за ней скрывается совершенно другой человек.

В какой-то момент я встал, подошел к окну и поднял жалюзи. В усыпанном звездами небе висел одинокий полумесяц. Черные силуэты деревьев застыли, словно безмолвные часовые на своем вечном посту.

В ту ночь мне приснилась Джули.

Мы сидели в открытом кафе. Солнечный свет заливал наш столик. Джули была в белом платье и в черных очках, которые придавали ей загадочность. Она потянулась через стол и сжала мою руку. В эту секунду я испытал наслаждение, которое не сравнить с самым сильным оргазмом.

– Ты должен забыть, – сказала Джули.

А я ответил, что ничего подобного.

– Открою тебе один секрет, – добавила она. – Я не Джули.

Когда она произнесла последнюю фразу, кафе, солнечный свет и люди вокруг нас вдруг исчезли, и я оказался в темном лесу.

Я проснулся и сначала не мог понять, что это было. Сердце тяжело бухало в груди, а по полу скользили солнечные лучи.

Глава четвертая

Погода для этого времени года стояла на удивление хорошая, и Джош после завтрака пригласил меня прогуляться по окрестностям. Дворецкий собрал нам корзинку для пикника: бутерброды, бутылки с водой и термос с кофе. Солнце уже светило вовсю, но Джош все равно оделся потеплее – в его состоянии даже обычная простуда могла оказаться роковой.

За особняком тянулось поле под паром, а за ним ряд высоких кленов, которые скрывали увитую плющом ограду. Джош достал из кармана ключи и открыл калитку. За оградой проходила еще одна грунтовая дорога. Перейдя через дорогу, мы вошли в девственный лес с поваленными стволами, диким орешником и высоченным папоротником. Джош, судя по всему, отлично ориентировался в лесу, ни тропинки, ни указатели ему не требовались.

После десяти минут ходьбы мы оказались на поляне со старым, покрытым мхом колодецем посередине. Колодец был закрыт деревянным люком. Мы сели на стоявшую рядом скамейку. Тишину нарушал только щебет птиц и шорох сухих листьев. Мы прошли всего триста ярдов, а у Джоша уже сбилось дыхание.

Мне очень хотелось узнать, чего от меня ждет Джош, но я решил подождать, пока он сам заговорит на эту тему. Джош спросил, не желаю ли я выпить кофе, и разлил горячий черный напиток по пластиковым стаканчикам. В воздух от стаканчиков синхронно поднялись два маленьких облачка пара.

– Это место называется Клэр-Спринг, – сказал Джош. – Говорят, что колодец вырыл французский авантюрист по имени Роджер. Он торговал пушниной с алгонкинами. У него была тайная возлюбленная – Клэр, шестнадцатилетняя дочь акадского торговца[2 - Ака?дия (фр. L'Acadie) – французская колония в Северной

Америке, существовавшая в XVII–XVIII вв.]. По легенде, Роджер погиб во время франко-индейской войны, когда акадийцев выгнали из этого региона англичане. Клэр отказалась уезжать и в поисках своего возлюбленного пришла на это место. Здесь она и умерла от голода, а колодец теперь носит ее имя.

Джош отпил кофе и продолжил:

– Думаю, пришло время и мне рассказать немного о себе. Я родился в Нью-Йорке, в богатой семье. Мой отец, Салем Флейшер, выпускник Гарварда, герой Второй мировой войны. В пятидесятых он стал одним из самых уважаемых адвокатов нью-йоркской коллегии. Моя мать из семьи Резерфордов, которые сколотили свое состояние на железных дорогах. Я обучался в Колумбийской подготовительной и грамматической школе, а когда мне только-только исполнилось восемнадцать, мои родители погибли в автокатастрофе во Флориде. Они были полны сил и относительно молоды, их внезапный уход потряс меня. Долгие месяцы я не мог прийти в себя. Я вдруг понял, что у меня никого нет. Единственный наследник огромного состояния, я по завещанию отца должен был вступить в права наследства по достижении двадцати одного года.

Я нарушил семейную традицию и не стал поступать в Гарвард. Выбрал Принстон – он привлекал меня своей открытостью и либеральным подходом. Как и многие молодые люди в те годы, я был горячий и дерзкий, меня не покидало ощущение, что нас всех ждут крутые перемены. Я принял участие в нескольких маршах, но быстро понял: все то, что могло быть интересным в шестидесятые, измельчало, остались только порочный снобизм, промискуитет и врожденная лень, замаскированные под протест.

Сейчас модно обвинять бэби-бумеров в наивности и мотовстве. Но нам просто было хорошо в наших общежитиях, в наших кампусах, нам нравились наши красивые машины, и мы не хотели, чтобы кто-то отнял наше благополучие и отослал нас умирать на рисовые поля в Азию, не дав насладиться благоденствием в Америке.

Естественно, я сейчас говорю о себе.

Другие думали, что смогут добиться перемен, что бы это ни значило. Они писали петиции, устраивали беспорядки. Должен признать, я не был в их числе, вероятно, потому, что был слишком богат, ленив и склонен к созерцанию. Меня

больше заботил успех у девушек, а это не способствует увлечению левыми идеями, за которыми, на мой взгляд, всегда кроется определенная доля личной фрустрации. В то время мы чуть ли не стыдились своего богатства и старались всячески его скрывать. Тогда в моде был тип рабочего, который хранит тяжким трудом заработанные деньги не в бумажнике, а в кармане потертых джинсов.

Как раз из таких был Абрахам Хэйл. Я с ним познакомился на последнем курсе.

Его отец был из Портленда в Орегоне, а мать – из каджунов с берегов Атчафалайи в Луизиане. Она умерла, когда Абрахаму было всего семь или около того. Они жили в небольшом городке в двадцати милях от Батон-Руж. И жили бедно. Эйб рассказывал, что отец купил первый телевизор, когда ему было лет десять.

Мы снимали двухкомнатную квартиру в Пеннис-Нек. Хороший, тихий район. Моим предметом была английская литература, Эйба – философия.

Мы сидели на скамье в таинственном лесу уже минут десять, а у Джоша только начало восстанавливаться дыхание и слегка порозовели щеки.

– Джеймс, я рассказываю вам эту историю, потому что она связана с причиной, по которой я вас пригласил. Предисловие будет долгим, но без него не обойтись. Я надеюсь, у вас хватит терпения и вы внимательно меня выслушаете.

– В моей профессии гораздо важнее слушать, а не говорить, – ответил я. – Ключ к пониманию зачастую кроется в банальных на первый взгляд ремарках, в рассказе о поездке по магазинам или в описании любимого свитера.

– Это правда. Видите ли, именно с Эйбом в Париже, уже после университета, я пережил событие, которое в определенном смысле повлияло на всю мою жизнь.

Джош умолк, его лицо напряглось, как будто даже простое упоминание об этом событии пугало его. Да и имя своего друга он произносил с определенным усилием, словно опасался вызвать демона из преисподней.

– Годы учебы в Принстоне не приблизили меня к ответу на вопрос – чем я действительно хочу заниматься в этой жизни? Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что витал в облаках, жил так, словно молодость будет длиться вечно, как будто впереди уйма времени на выбор пути. Финансовых проблем у меня не было – к этому времени я уже вступил в права наследства. В паре мелких журналов напечатали несколько моих статей. Это обстоятельство послужило чем-то вроде алиби для моей хронической праздности и в то же время подпитывало мою надежду когда-нибудь написать нечто, что принесет мне признание, которого я втайне желал. Так к чему было торопиться? В этом возрасте имидж зачастую гораздо важнее реального положения дел.

Чуть ли не каждый месяц я заново влюблялся и, думаю, разбил немало сердец. Но не подумайте, это вовсе не льстило моему самолюбию и не приносило какого-то извращенного удовольствия от страданий покоренных девиц. Меня вообще это не трогало. У меня был образ этакого божественного гения в поисках спасения, а это всегда притягивает девушек.

Эйб во многом был моей противоположностью.

Как я уже вам говорил, он был беден и, соответственно, стремился сделать что-то значительное – значительное настолько, чтобы не быть похожим на своего отца. Эйб предпочитал скрывать правду и, чтобы избежать расспросов о семье, называл себя сиротой. Он и мне это наплел, когда я в декабре незадолго до Рождества поселился на Элкотт-стрит. Я тогда снимал квартиру в Принстон-Джанкшене. Хозяин жил в Филадельфии, но потерял работу и прислал мне уведомление, чтобы я поторопился снять другое жилье. Я нашел квартиру через объявления в газетах, так и познакомился с Эйбом. Он к тому времени обитал там уже больше трех лет. Квартира на двоих на первом этаже в обветшалом особняке колониального стиля. Эйб жил там один, но уже успел лишиться стипендии и нуждался в деньгах.

Через месяц я познакомился с его отцом. Он заявился без предупреждения. Эйба дома не было. В общем, я открыл дверь мрачному худому типу средних лет, от которого пахло потом и алкоголем. Когда он сказал, что его зовут Джон Хэйл, я сразу понял, что Эйб меня обманывал, и, слава богу, не прокололся. Эйб пришел только часа через два, и мне все это время пришлось беседовать с его отцом.

Отец его был немногословным и грубым типом. Этаким хороший американский рабочий. И с манией величия, что, на мой взгляд, является следствием

комплекса неполноценности. Для него мы были зазнавшимся отродьем – били баклуши, вместо того чтобы вкалывать.

Перед отъездом он собирался оставить сыну сто баксов, о чем и поставил меня в известность с весьма высокомерным видом. Отец Эйба вообще был уверен, что студенты постоянно торчат на наркотиках и устраивают оргии. Ясное дело – он был слишком молод для участника Второй мировой и слишком старым для Вьетнама, но все же выдал длинную патриотическую речь. «Наездники свободы»[3 - «Наездники свободы» (англ. Freedom Riders) – правозащитное общественное движение в США, основанное в 1960-х гг. Ставило своей задачей борьбу за гражданские права афроамериканского населения.], по его мнению, были криптобольшевиками, которые выставили свою великую страну на посмешище и ликвидировали лучшего из всех президентов Америки – Никсона. Было непросто, но я сумел удержаться и не вступал в спор до прихода Эйба.

Эйб весь побелел, когда увидел отца, и сразу пригласил его где-нибудь выпить кофе. Старик приехал на фургоне для перевозки мебели и не собирался его возвращать до следующего дня. Я стал настаивать на том, чтобы мы пошли в ресторан все вместе. Старший Хэйл в итоге согласился, но с таким видом, будто сделал мне незаслуженное одолжение. За ужином он распекал Эйба за все подряд.

Вечером старик уехал, но прежде выдал патетический спич и с торжественным видом вручил сыну пять двадцатидолларовых банкнот. Эйбу потом было неудобно, он даже передо мной извинялся. Я, естественно, сказал, что извиняться не за что, но сам задумался: сколько еще сказок он мне наплел? Впрочем, все это меня не касалось.

В тот вечер Эйб был очень счастлив. Одна девушка из Нью-Йорка, с которой он был знаком уже года два и в которую был тайно влюблен, приехала навестить друзей в Принстоне и пригласила его на вечеринку. Эйб позвал и меня – очень хотел нас познакомить. По пути на вечеринку он без конца рассказывал мне, какая она чудесная. Звали ее Люси Сандлер, она окончила классическую школу в Англии, что в глазах Эйба придавало ей аристократизма и загадочности. Я без труда догадался, что он решил в этот вечер признаться ей в любви, и ничуть не сомневался, что она ответит ему взаимностью. Эйб был из маленького городка, а дело было в семидесятые, в те времена молодые провинциалы соблюдали брачные ритуалы своих родителей.

В итоге я оказался в квартире, где было полно молодежи, не продохнуть от табачного дыма и марихуаны, а на коврах валялись расслабленные гости. Эйб нарядился как мог и выглядел растерянным, а Люси практически его не замечала. Я с бокалом в руке нашел себе укромный уголок. Минут через пять Люси подошла ко мне и пригласила потанцевать. Я огляделся по сторонам в поисках Эйба, но его нигде не было видно.

Признаюсь, я изрядно выпил и не очень-то помню, как развивались события. В какой-то момент Люси сказала, что знает, где в той квартире есть незанятая комната. Я поднялся за ней в пыльную мансарду, из обстановки там был только один прогнивший диван. Она сразу набросилась на меня с поцелуями. Я успел вспомнить про Эйба.

- Ты действительно хочешь все испортить? - с обиженным видом спросила Люси. - Мы с Эйбом просто друзья.

- Не думаю, что ему это понравится, - сказал я, но она уже начала раздеваться.

- Не волнуйся об этом. Главное - это мы здесь и сейчас, - сказала Люси. - Ну же, не заставляй меня ждать.

Потом она весь вечер вела себя так, будто влюблена, - целовала меня тайком, держала по возможности за руку. Еще рассказала о своих родителях, о жизни в Европе, о разных экзотических местах, которые мечтала посетить. Гости начали расходиться, а я все не мог найти Эйба. Люси пришла на вечеринку с друзьями, с ними она и уехала, но перед этим успела десять раз пообещать мне позвонить.

Когда я вернулся домой, Эйб сидел за столом в гостиной. Пьяный в стельку. Говорил, что Люси - потаскуха, манипуляторша и торгует наркотой. Постепенно его оскорбления стали напоминать Песнь песней только в обратном варианте. Грудь Сали сравнимы с подтяжками, зад плоский, как питчерская горка, а лицо - как у пугала на кукурузном поле в Кентукки. Впервые со дня нашего знакомства Эйб был настоящим. И он пребывал в ярости. Как известно, ненависть по энергетике зачастую не уступает любви. Тогда у меня возникло чувство, что Эйб способен не только ненавидеть. Он может еще и причинить вред Люси.

Джош уложил стаканчики в корзину и предложил мне сэндвич. Я отказался.

Стало заметно теплее – от ковра опавших листьев поднимались тонкие струйки пара. Кроны и стволы деревьев близ поляны образовали некое подобие беседки. Я начал потеть. Джош снял пальто, аккуратно его свернул и положил рядом с собой на скамейку. Он был педантичен во всем, с годами бывшие богемные замашки улетучились без следа.

– В итоге он заснул прямо за столом, а я помог ему добраться до кровати, укрыл одеялом и сварил себе кофе, – продолжил Джош. – Мне было жаль Эйба, но виноватым я себя не чувствовал. Наутро ситуация усложнилась: на пороге нашей квартиры появилась Люси. Она непринужденно сообщила, что решила пожить несколько дней со мной, швырнула свою сумку в угол комнаты, разделась и отправилась в ванную принять душ. Когда она появилась снова, причем абсолютно голая, Эйб как раз выходил из своей комнаты. Мне на секунду даже показалось, что его вот-вот хватит удар. Эйб молча взял пальто и ушел. Он вернулся только через пять дней, Люси к этому времени уже ушла. Я пытался о ней заговорить, но Эйб уклонялся от этой темы. Люси пару раз мне звонила, потом перестала, а я не искал с ней встреч.

Думаю, месяца через два после того случая Эйб сказал мне, что собирается в Париж.

Его жизненная ситуация была гораздо сложнее, чем моя, и, вероятно, он решил, что получение стипендии и отъезд из родного города мигом разрешат все проблемы. Профессора сразу оценят его интеллект и уровень культуры, он получит хорошее образование и заведет знакомства с влиятельными людьми. Эйб верил, что у него талант исследователя, и ждал предложения поработать в штате университета. Но все оказалось совсем не так.

Эйб был умнее и культурнее большинства жителей его родного города, и отношение учителей в школе было соответственным. Но в Принстоне он оказался среди молодых интеллектуалов Америки. На первом курсе Эйб изо всех сил старался доказать окружающим, что тоже достоин зваться интеллектуалом, но не очень-то преуспел. У богатых ребят в то время было модно жить на ограниченные средства, однако это вовсе не означало, что они горели желанием общаться с действительно бедными парнями. Поверьте, лицемерие тогда цвело пышным цветом. Неразговорчивый, скромный Эйб, хотя сам этого не признавал, так и не смог расстаться с провинциальными привычками и предрассудками.

Одевался он почти всегда строго, да еще норовил в самые неподходящие моменты продемонстрировать свою врожденную культурность, вероятно, чтобы как-то компенсировать чувство собственной неполноценности, которое проистекало из его бедности. Но, что хуже всего, Эйб каждый день проживал с осознанием того, что у него оставалось только четыре года на то, чтобы изменить свою жизнь. Из-за этого он не мог расслабиться и постоянно ходил с угрюмым видом.

Окружение отторгало Эйба, совсем как иммунная система человека отторгает чуждые формы жизни, которые пытаются проникнуть в его организм. Но он, вместо того чтобы измениться самому, винил во всем других. В результате Эйб еще больше замкнулся в себе и критически относился ко всему происходящему вокруг. Его успехи в учебе в лучшем случае можно было назвать посредственными.

Эйб не был ярким бунтарем, которому тайно завидуют ботаники, изгоем под флером таинственности его тоже сложно было назвать. На самом деле он был всего лишь постоянно раздраженным и очень одиноким парнем из провинциального городка.

Другими словами, все мечты Эйба развеялись, а время шло. Когда мы познакомились, он учился на последнем курсе. Он не представлял, что ему делать дальше, и все больше погружался в депрессивное состояние. После потери стипендии Эйб, чтобы как-то протянуть до получения диплома, подрабатывал в самых разных местах.

Единственным человеком, который симпатизировал Эйбу, была Элизабет Грегори. Если не ошибаюсь, ей было лет тридцать пять. Она владела небольшим бюро переводов, которое тесно сотрудничало с нашим университетом. Эйб летом проходил у них стажировку. Элизабет Грегори считалась самой красивой женщиной в округе, и многие студенты мечтали поиграть с ней в «миссис Робинсон и выпускник»[4 - Отсылка к фильму «Выпускник» (1967). Режиссер Майк Николс.]. Но ее холодность и отстраненность не уступали ее красоте.

Сейчас не вспомню, откуда я узнал детали ее личной жизни, но слухам в кампусе обычно доверяют.

Миссис Грегори была замужем за Мэттом Грегори, порочным пьяницей, который преподавал в Принстоне и был уволен после парочки грязных историй. Тогда не было принято придавать огласке случаи сексуального домогательства. Считалось, что подобная информация нанесет ущерб репутации учебного заведения, поэтому все решалось за закрытыми дверями правления и пряталось подальше от чужих глаз.

Кажется, к тому моменту, когда Эйб познакомился с Элизабет, Мэтт Грегори переехал в Нью-Йорк и вроде бы писал сценарии, но на самом деле просто куролесил по барам.

Однажды Эйб повстречался с миссис Грегори, и она поинтересовалась его планами на будущее. Она заметила, как он смутился, и спросила, как он отнесется к возможности поработать в Европе.

Можете себе представить, что это значило для Эйба!

Миссис Грегори была для него долгожданным лучом света, который озарил сгущавшиеся над его жизнью сумерки.

Несмотря на то что их беседа была неопределенной, а миссис Грегори не обещала ему ничего конкретного, Эйб был на седьмом небе от счастья. Я же посоветовал ему купить букет цветов и навестить Элизабет. Эйб несколько дней колебался, но в итоге последовал моему совету. Не знаю, что случилось в тот вечер, – из Эйба слова было не вытянуть.

Одно могу сказать точно: спустя две недели он получил письмо от одного французского фонда, и назывался этот фонд «Л'Этуаль». Эйбу предложили годовой контракт с испытательным сроком в три месяца и возможностью продления договора на три года. Вечером мы отметили это событие. Эйб был по-настоящему счастлив. Получив диплом, он сразу улетел в Париж, а перед этим взял с меня слово, что я через несколько недель присоединюсь к нему.

Мы встали со скамейки и пошли по тропинке, укрытой за папоротником и опавшими листьями. Джош молчал и думал о своем. На пути нам попался ручей. Мы присели на поваленный ствол сосны. Вода лениво бежала между камнями. Мы прошли всего пятьдесят ярдов, но Джош не сразу смог отдышаться.

– Признаюсь, я не могу сказать, почему сдержал обещание и полетел в Париж, – заговорил Джош. – Я ведь даже не считал его своим другом, скорее случайным знакомым. Да, я за него волновался, но не настолько, чтобы изменять свои планы или привычки. Думаю, мне просто было нечем заняться той осенью.

В общем, в середине августа я получил от него письмо – тогда друзья еще писали друг другу письма на бумаге, – собрал вещи и полетел во Францию. Эйб описывал свою тамошнюю жизнь в оптимистичных тонах, по его словам, жизнь в Париже была куда интереснее и насыщеннее, чем здесь, в Америке.

Мы тогда еще верили в мифы о гениальных парижских экспатах, таких как Хемингуэй, Фицджеральд, Дос Пассос, Хьюз и иже с ними. Париж на фоне застрявшего в семидесятых Нью-Йорка был сверкающим загадочным Вавилоном, он очаровывал и дарил вдохновение. В моем представлении все парижане носили береты, как художники, ели батоны длиной в четыре фута и пили абсент в окружении девиц легкого поведения. Гениальные идеи витали в этом городе, как капли воды в дождь, – оставалось только подставить свой берет, и через несколько секунд он был полон до краев. Здесь, в Штатах, атмосфера была куда мрачнее – война во Вьетнаме, политические скандалы, общественные беспорядки и расовые проблемы.

В Париж я прилетел в конце августа. Город еще не остыл от жары. Эйб встретил меня в аэропорту. Мы не виделись всего пару месяцев, а я с трудом его узнал – он отрастил бороду и забыл о коротких стрижках. А еще отказался от строгой одежды коричневых и серых тонов, в его гардеробе появились джинсы клеш, полосатая рубашка и кожаный жилет. Глядя на счастливого и беззаботного Эйба, я готов был поверить, что Париж способен творить чудеса.

Эйб жил на Рю-де-Ром, недалеко от Елисейских Полей. Комнатушки там были как спичечные коробки, а ложась спать, надо было следить, чтобы не удариться головой об стену. В Штатах мы любим все большое: большие дома, большие кровати, большие бутылки кока-колы и большие ведерки с попкорном. В Париже главное – не размер, а месторасположение. Эйб жил в центре города, и квартиру для него арендовал фонд за скромные деньги.

Я быстро смирился с неудобствами – молодые легко ко всему приспосабливаются, – был не против того, чтобы Эйб показал мне город. Планов на будущее я не строил и, как говорится, отдался на волю случая. Эйб составил

длинный список мест, которые надо обязательно посетить, так что целую неделю я стаптывал туфли на Монмартре, Монпарнасе, Фобур Сен-Жермен и Фобур Сент-Оноре. Я всегда любил искусство, и Лувр потряс меня до глубины души. А вот Эйб меня удивил – он заявил, что самое большое впечатление на него произвел Дом инвалидов, этот скучный монумент с могилой Наполеона внутри.

О Симоне он мне не сразу рассказал.

Иногда Эйб заходил в телефонную будку и болтал там минут по десять, но я тогда думал, что он разговаривает с кем-то из фонда. Из будки он всегда выходил окрыленным, что характерно для влюбленных, но я полагал, что объектом его обожания был сам Париж. Вечером мы пили перно в уличных кафе или заглядывали в маленькие клубы, где играли джаз и читали скетчи, смысл которых был для меня недоступен. Я знал по-французски не больше десятка слов, а вот Эйб разговаривал свободно. Я уже упоминал о том, что его мать была из каджунов Луизианы, так что французский был его вторым родным языком. В любом случае первую неделю в Париже я вспоминаю, как чудесный сон.

Я начал всерьез задумываться о том, чтобы найти там работу. Что немаловажно, в Париже работало довольно много американцев, и можно было легко обзавестись друзьями. Однажды вечером Эйб оделся более строго, чем обычно, и, не посвящая в детали, повел меня в ресторан неподалеку от Дворца конгрессов. Ресторан назывался «Шез Клемен». Симпатичное место, и Эйбу явно не по карману.

Мы сели за столик и заказали напитки. Спустя минут десять появилась Симона.

Думаю, я влюбился с первого взгляда. В молодости мы все часто увлекаемся, но я сразу понял, что это не то, что называют последней юношеской влюбленностью.

Светловолосая Симона, изысканная и утонченная, словно статуэтка из слоновой кости, была совсем не похожа на молодых американок. В те времена многие девушки сжигали свое нижнее белье и старались выглядеть мужественно и уверенно, как будто феминизм – отвратительный инструмент манипуляции – был придуман мужчинами, чтобы превратить женщин в примитивные сексуальные объекты.

Симона была очаровательной и загадочной, она излучала не только красоту, но и ангельскую доброту. Для меня она была как будто с другой планеты. Недолгой беседы хватило, чтобы понять: Симона – девушка культурная и всесторонне образованная. Она любила литературу и была лично знакома с Сартром. Мы весь вечер разговаривали на темы экзистенциализма, вовлеченности артистов в политическую жизнь и тому подобное.

И я наконец понял, в чем причина преобразования Эйба. Я-то объяснял все чудесным эффектом Парижа, а он был просто по уши влюблен. В присутствии Симоны Эйб робел, нервничал, но при этом был очаровательно неловок, а это очень часто пленяет женские сердца. Он не сводил с Симоны глаз, как будто пытался предугадать любое ее желание, или просто любовался, словно она была произведением искусства.

Симона свободно говорила на английском, хотя и с акцентом. Она работала в фонде Эйба уже два года, и ей поручили помочь новому сотруднику устроиться на новом месте. Именно Симона подыскала Эйбу квартиру на Рю-де-Ром, идеальное место для незнакомого с лабиринтами Парижа иностранца.

Я не мог понять: она влюблена в Эйба или просто старается быть вежливой? Так или иначе, ухаживания Эйба были платоническими, и я не сомневался, что до близости между ними еще не дошло. Однако Эйб, насколько я мог судить, не придавал этому большого значения.

Приступим?

Глава пятая

Мы вернулись в особняк к ланчу. Медсестра в белом халате – она представилась мне как Лиза Бедэк – подала Джошу стакан апельсинового сока и маленький пластиковый стаканчик, до половины наполненный таблетками.

Джош старался не подавать виду, но прогулка и наша беседа его явно утомили. За ланчем он не стал продолжать свой рассказ о Париже и вместо этого поинтересовался, почему я выбрал профессию психолога.

– Думаю, все началось с беседы с одним доктором, – ответил я. – Мне тогда было лет десять. Моя бабушка по линии отца страдала от нервного расстройства. Я обожал научную фантастику и как раз прочел роман, если не ошибаюсь, Филипа Киндред Дика о человеке, который излечивал людей, проникая во сне в параллельный мир. Так вот, однажды этот психиатр пришел к нам, чтобы побеседовать с бабушкой. Тогда я его и попросил объяснить, что такое наши сны, почему мы их видим, что они значат, или, может, они вообще ничего не значат, ну и все в этом духе. Доктор был очень добр, и мы проговорили с ним больше часа. Но в результате я пришел к выводу, что он не очень-то много обо всем этом знает, и это заворожило меня даже больше, чем любое потенциально точное объяснение. На следующий день я пошел в публичную библиотеку и взял книгу о сне и сновидениях. Так все и началось. Еще через два года увлекся антропологией, а после антропологии начал изучать психологию и психиатрию. На последнем курсе в медицинском институте во время клинической практики я познакомился с профессором Джорджем Аткинсом. Он несколько месяцев обучал меня техникам гипноза, которыми пользовался в больнице Бельвью в Нью-Йорке.

– А как ваша бабушка?

– Она поправилась.

– Рад это слышать, Джеймс. Да, хорошо смолоду знать, чем хочешь заниматься в этой жизни, хорошо иметь силы идти к своей цели, – заметил Джош, пока нам подавали салаты. – При таком раскладе вы не тратите время и энергию на то, что позже можете счесть бессмысленным. С другой стороны, с вами всегда остаются сомнения и сожаления: что было бы, если бы я открыл эту дверь, если бы поддался порыву или согласился на приглашение. Кьеркегор писал, что для некоторых лучше убить младенца в колыбели, чем оставить неосуществленным свое желание при условии, что это желание не принесет никому вреда. Вы всегда были уверены, что сделали лучший выбор из возможных?

Джош почти не прикоснулся к салату, но налил себе полный бокал красного вина из графина и выпил залпом.

– Нет, не всегда. – Я пожал плечами. – Как ученый, я не задаюсь вопросами, на которые никогда не найду ответа. Я не знаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы я решил стать исследователем или на последнем курсе женился бы на девушке из Калифорнии по имени Джесика Фултон и переехал бы на Западное

побережье, что едва не сделал в свое время.

– Я полагаю, вы ошибаетесь, – сказал Джош. – На мой взгляд, несовершенные поступки характеризуют нас не меньше, чем совершенные. Думаю, мы не случайно оказываемся в конкретный момент перед некой дверью, пусть даже отказываемся ее открывать. Двери, которые мы навсегда оставляем закрытыми, так же важны, как те, в которые мы в конечном итоге вошли. Люди склонны забывать, и в час расплаты никто не перечисляет так и не открытые двери – вспоминают только те, которые открыли.

– Способность забывать – важная часть нашей ментальной иммунной системы, Джош. Наш мозг стирает файлы, которые определяет как бесполезные или вредные. Так же как компьютер уничтожает вирусы, старые документы и бесполезные иконки. Кроме того, есть неприятные воспоминания. Они по разным причинам переходят в разряд фейков, ретушируются либо приукрашиваются. Фрейд считал, что есть некая «корзина», в которую может заглянуть психоаналитик. Это место, где хранятся все стертые воспоминания и даже те, от которых отказывается пациент. Он верил, что психологу надо лишь произвести тщательный анализ этих воспоминаний, и тогда он доберется до причин, почему пациент оказался в ментальном тупике. Его великий ученик Юнг пошел дальше. Он считал, что «корзина» пациента неким образом связана с невидимой сетью, которую он называл «коллективным бессознательным».

Принесли основное блюдо.

– Судя по вашему тону, вы не разделяете мнение этих знаменитых джентльменов, – заметил Джош.

– Ну, у психоанализа есть свои пределы и весьма сомнительные стороны. В те времена научного энтузиазма преклонялись перед знанием человека. Ученые искали объединяющие, всеобъемлющие теории. Так, Эйнштейн выдвинул теорию относительности, которая могла инкапсулировать всю вселенную. С помощью этой теории можно объяснить практически все, она своего рода научный философский камень. То, что Фрейд пытался сделать через свои теории о либидо, Юнг через свою концепцию индивидуализации и архетипа, Адлер со своим взглядом на комплексы, безусловно, очень привлекательно с интеллектуальной точки зрения. Но, согласитесь, главная цель медицинского действия – излечение. Психоаналитический метод зачастую утомителен и для пациента, и для терапевта, он отнимает много времени и к тому же дорог. В

наше время это своего рода роскошь. Старую исповедальню заменили кабинетом практикующего врача в центре города, с модным кожаным диваном.

– Вы действительно верите в то, что человеческий мозг можно познать с помощью цифр, формул и уравнений? – спросил Джош.

– Если бы не верил, не стал бы ученым, – парировал я.

Джош покачал головой:

– Позволю себе немного скепсиса. Предположим, вы сможете проникнуть в мозг человека. Вы его препарируете, всячески исследуете, а потом зашьете обратно. Но остается то, что обычно называют душой. Она не в мозгу, как сейчас принято думать, и не в сердце, как думали люди в Средние века. – Джош вздохнул и опустил глаза. – А теперь, Джеймс, мы подобралась к причине, по которой я вас сюда пригласил.

Мы были одни. Медсестра больше не возвращалась, а дворецкий оставил на небольшом столике у кресел поднос с кофе, сахарницей и кувшином с молоком.

– В своей книге вы утверждаете: нет гарантий того, что субъект под гипнозом будет транслировать... назовем это реальной действительностью. Я не люблю слово «реальность». Оно как бы предполагает, что существует некая скрытая за видимой стороной объективная истина. Ведь мы, как вы указали в своей лекции, сдерживаем свои чувства, контролируем восприятие и руководствуемся различными табу. И тем не менее я бы хотел испытать этот метод.

«Так вот из-за чего он все затеял», – мысленно отметил я.

– Джош, вы явно хорошо изучили вопрос и должны понимать, что гипноз сопряжен с определенными рисками.

– Да, я перечитал много специальной литературы, сознаю риски и готов на них пойти. Думаю, в моем состоянии терять особо нечего.

– Речь идет не только о физических рисках.

У меня пропал аппетит, Джош тоже не прикасался к еде. Мы встали и пересели в кресла у кофейного столика.

– Возрастная регрессия – гипнотический феномен, при котором человек вновь переживает события из своего прошлого с такой интенсивностью, как если бы они происходили в настоящий момент, – сказал я. – Иногда даже болезненней, особенно в процессе регрессии. Не уверен, что это хорошая идея для человека в вашем состоянии. Особенно если речь идет о весьма травматичном опыте. А с ваших слов я понял, что это именно так. Если вы забыли об этом событии, пусть только предположительно, то это случилось по той причине, что ваш мозг решил, что так надо. Попытка вызвать событие из памяти может повлечь за собой серьезные и неконтролируемые последствия. Хотел бы повториться: я скептически отношусь к практическим результатам. И дело тут не во лжи... На самом деле пациенты под гипнозом не обманывают. Если они и говорят неправду, то не так, как это делают в состоянии бодрствования, то есть не используют обман как средство самозащиты. Проблема в том, что «правда», которую транслирует субъект, совсем не обязательно соответствует действительности.

Джош наклонился над столом и посмотрел мне в глаза.

– Джеймс, я уже сорок лет одержим тем, что произошло в ту ночь, и я не хочу умереть, не попытавшись сделать все возможное, чтобы узнать правду. – Голос у Джоша стал сиплым. – И выбрал я вас именно потому, что вы скептик. Вы не станете манипулировать мной или использовать как подопытную крысу. Если мы не преуспеем и не сможем пролить свет на те события – пусть. Но я, при вашем согласии, решительно настроен попытаться все выяснить.

Вид у Джоша был такой, будто ему сообщили крайне неприятную новость.

– Вы когда-нибудь слышали о «Книге мертвых»? – спросил он. – Это такой древнеегипетский текст. Так вот, согласно этому манускрипту, умерший, представ перед судьями, должен поклясться в том, что не нарушил ни одной из сорока двух заповедей. После этого сердце умершего взвешивается на весах с пером. Если весы уравниваются – умерший сказал правду: он жил как праведник и допущен в рай. Но если солгал и его сердце не уравновешено на весах, чудовище Амаат, или Пожирательница, съедала его сердце и он навеки попадал в ад...

Итак, пора мне рассказать вам суть истории. Однажды вечером Симона была убита, а Эйб бесследно исчез. Мы тогда были вместе, все трое...

Глава шестая

– Тот вечер стал кульминацией трагедии, началом которой послужило наше знакомство с Симоной в ресторане «Шез Клемен», – продолжил свой рассказ Джош. – Как я уже говорил, она, очевидно, не была влюблена в Эйба. Скорее, как добрая душа, относилась к нему с сочувствием. Я же быстро понял, что Эйб, хоть и делал вид, что адаптировался к парижскому образу жизни, на самом деле так и остался закомплексованным парнем с нереализованными амбициями. Но Симона была из семьи аристократов и к тому же наследницей солидного состояния. С ее фамилией она могла открыть любые двери, но никогда этим не кичилась. И без того было понятно, что она и Эйб из разных миров.

Короче говоря, мы влюбились. Думаю, в этом возрасте это случается либо сразу, либо никогда.

В общем, это было повторение истории с Люси. Только в этот раз все было серьезно. Сначала Эйб растерялся и делал вид, что ничего не происходит. Симона относилась к нему, как прежде, дружески, но Эйб не был дураком, он понял, как обстоят дела. А Симону, похоже, не заботило то, что его может ранить эта ситуация.

Что касается меня – все было впервые.

Родинка на ее правом запястье. То, как менялся цвет ее глаз в зависимости от времени суток. Локон на шее у затылка. Как она двигала плечами, когда шла на высоких каблуках. Все это заворожило меня с первого взгляда. Она не покидала моих мыслей.

Как-то Эйбу надо было зайти в фонд, и мы с Симоной остались одни. Я предложил проводить ее домой и, пока шли, признался в том, что думаю о нашем «треугольнике». И своим страхом того, к чему это может привести. Симона сказала, что разделяет мои страхи и не хочет ранить Эйба. Но, кроме

этого, она сказала, что хочет быть со мной и это для нее важнее всего прочего.

Где-то недели через три после этого мы стали встречаться. Только Симона и я. Но отношения у нас были платоническими.

Однажды мы с Эйбом поехали на вечеринку куда-то на Монмартр. Там мы с Симоной поцеловались в первый раз. По дороге домой я попробовал узнать – заметил Эйб что-то или нет. Но Эйб был пьян и не в духе, так что говорить с ним было бесполезно. А на следующий день у меня не хватило смелости поднять эту тему.

Самый страшный удар Эйб получил через несколько дней после той вечеринки. Накануне заключения соглашения фонд отказал ему в работе. Эйб был просто ошарашен, он даже не смог внятно объяснить, что, собственно, произошло, сказал только, что «Л'Этуаль» отказался от предложения о сотрудничестве. Он долго сидел на диване, уставившись в одну точку, а потом встал и выбежал из дома. Я сперва ему не поверил и позвонил в фонд, чтобы убедиться во всем самому. Представился родственником Эйба из Америки. Секретарь подтвердила, что все правда: «Предложение о сотрудничестве с мистером Абрахамом Хэйлом отозвано, о причинах будет сообщено письмом в ближайшее время».

Я не видел Эйба пару дней. Он даже не заходил домой, чтобы переодеться. И это я получил письмо из фонда и подписался в получении от его имени. Открывать письмо я не стал, просто положил на телефонный столик и задумался, что делать дальше в сложившихся обстоятельствах.

Я понимал, что Эйб, скорее всего, вернется в Америку, ведь он уже потратил почти все свои сбережения. При таком раскладе мне надо было выбирать: помочь ему деньгами, чтобы он еще пожил в Париже, или нет. Аренда квартиры на Рю-де-Ром оплачивалась фондом, так что мы в любом случае должны были съехать.

К вечеру я принял решение: уедет Эйб или нет, я останусь в Париже. Если же он согласится остаться и примет мою помощь, у меня достаточно денег, чтобы обеспечить нам безбедное существование, пока мы не найдем работу. Я внушал себе, что все обстоит не так плохо. Да, Эйб был гордым и упертым, но я надеялся, что он примет мою помощь.

Эйб не появлялся до конца недели, и все это время я был в подвешенном состоянии. С Симоной мы общались по телефону – она уехала погостить к родителям в Лион. То, что фонд разорвал соглашение с Эйбом, не было для нее новостью, она очень из-за этого переживала и приглашала нас обоих в Лион познакомиться с родителями и на пару дней отвлечься от проблем.

Эйб вернулся в субботу совершенно изменившимся. Сразу было видно, что он все это время не просыхал. Небритый, похудевший, в измятой одежде, он был зол, хотя делал вид, что спокоен и вполне уверен в себе. И такого выражения лица я у него никогда не видел: он выставлял подбородок вперед и буквально щерился.

Я пытался как-то его приободрить, говорил, что у нас хватит денег, чтобы прожить, пока не найдем работу, но сначала надо найти другую квартиру.

Эйб открыл письмо из фонда, пробежался по нему глазами, после чего скомкал и сжег в пепельнице.

– Ты же не думаешь, что я стану жить на твои подачки? – спросил он. – С меня хватит. А ты не волнуйся, я справлюсь. Я знаю кое-кого, мои люди потянут за ниточки, и все будет нормально.

Учитывая состояние Эйба, меня встревожило это заявление. Что за люди? Но тогда не было времени об этом говорить. Я сказал Эйбу, что Симона пригласила нас в Лион познакомиться с родителями.

– То есть она пригласила тебя, – язвительно уточнил Эйб. – Ты – мечта любой мамы, которая хочет выдать свою драгоценную дочь за прилично одетого, состоятельного и успешного парня. Я беден и без перспектив. Если Симона в кого-то и влюблена, так это в тебя, приятель.

Эйб еще битый час или дольше жалел себя. Он не сделал ничего плохого, но было похоже, что самобичевание доставляет ему удовольствие. Он все повторял, что его отец был прав: сколько бедный не жертвует – все без толку.

У нас была бутылка коньяка, и Эйб почти всю выпил без моей помощи, а потом уснул не раздевшись и с горящей сигаретой между пальцами. Я перетащил его в постель и укрыл одеялом.

Утром Эйб более или менее пришел в себя. То есть он все еще был подавлен и напряжен, но хотя бы перестал загружать меня монологами о своей вине. Он принял душ, побрился и переоделся в чистую одежду. Мы пошли в кафе и позавтракали. Я снова упомянул о приглашении Симоны.

– Я не еду – это без вопросов, – категорично ответил он. – А вот ты поезжай. Я же вижу, как ты этого хочешь. Со мной все будет в порядке, можешь не волноваться.

Что мне было на это сказать? Я понимал, что не следует оставлять его одного и что поехать в Лион без него – неправильно. Но мне было двадцать два, и я был влюблен. В общем, я собрал сумку, и Эйб проводил меня на вокзал. Я даже сейчас помню, как он стоял в конце платформы и смотрел вслед отъезжающему поезду: руки в карманы, воротник поднят. Октябрь принес холод и навевающие тоску дожди. В какой-то момент я подумал, что надо выпрыгнуть из вагона и остаться с Эйбом в Париже, а Симону я бы смог дожидаться в городе. Но поезд тронулся, набрал скорость, и все мои сомнения остались позади. И Эйб остался один.

Вероятно, Джошу действительно было тяжело об этом вспоминать. Он умолк и довольно долго сидел в кресле, полуприкрыв глаза. Мне даже показалось, что он несколько секунд не дышал.

– Те дни, которые я провел в Лионе, оказались роковыми, – продолжил свой рассказ Джош.

Мать Симоны, Клаудия, добрая, мягкая женщина, находилась в полном подчинении у мужа. Мужа звали Лукас. Его бесило все нефранцузское. Я знал, что Лукас не был настоящим отцом Симоны. Он удочерил Симону и ее младшую сестру Лауру, когда они были еще совсем крошками.

Высокий, поджарый Лукас был очень похож на де Голля, для него все американцы были неандертальцами и представляли угрозу европейской культуре. Он даже помыслить не мог о том, что его дочь уедет из страны с таким варваром. А меня он удостоил от силы парой фраз. Во время Второй мировой Лукас был участником Сопrotивления, его арестовали и пытали в гестапо. По какой-то причине тот его опыт снова оказался в центре внимания

общественности – имя Лукаса упоминалось во всех газетах.

Я спросил у Симоны, что ей известно о том, почему фонд отказал Эйбу в работе. Она сказала, что говорила по телефону с кем-то из совета фонда и этот человек упомянул о каком-то письме из Америки касательно Эйба.

Родители Симоны жили в двухэтажном особняке, но я предпочел остановиться в гостинице неподалеку. Симона приходила ко мне украдкой, как будто мы были тинейджерами. Именно там мы впервые занялись любовью. Я сказал ей, что решил пожить в Париже какое-то время. Лукас, узнав об этом, не преминул заметить, что Франция превратилась в магнит для бездельников со всего мира.

Как я уже говорил, у Симоны была сестра Лаура. Она была на год младше, изучала английский и тоже жила в Париже, но я с ней пока не был знаком. По стечению обстоятельств Лаура тоже гостила у родителей, и мы часто проводили время втроем. Она обожала Америку и мечтала побывать в Нью-Йорке. Мы гуляли по Лиону, а вечера проводили за бесконечными беседами, утопая в сигаретном дыму и ароматах кофе.

Когда я вернулся в Париж, консьерж сказал, что за время моего отсутствия он так ни разу и не видел Эйба. Кое-какие его вещи пропали. Записки он не оставил, просто исчез, и я подумал, что он мог вернуться в Штаты.

Меня навестил клерк из фонда, мы пришли к соглашению, что я поживу на Рю-де-Ром до конца октября, и у меня оставалось время на поиски новой квартиры.

Спустя еще несколько дней неожиданно-негаданно заявился Эйб. Наверное, около полуночи я услышал, как кто-то поворачивает ключ в замке. Выглядел Эйб паршиво. Он был пьян и еле ворочал языком, но я смог разобраться, что у него девушка где-то на Монмартре и из-за ее бывшего у них проблемы.

Когда я проснулся на следующее утро, Эйб уже ушел. Он прихватил не только наличные из моего бумажника, но еще и золотые часы и дорогую зажигалку «Дюпон». Я понятия не имел, где его искать. Такое повторялось еще пару раз. Когда Эйб появлялся, я специально оставлял немного наличных на видном месте, чтобы он мог их взять, после того как примет душ, побреется и переоденется. Он был как призрак, который появляется в полночь и исчезает с первыми петухами, прихватив то, что ему оставляют жалкие смертные. Я был не

против, но беспокоился за Эйба и не оставлял надежды на то, что смогу с ним серьезно поговорить.

Симона вернулась в Париж, и мы почти все время проводили друг с другом. Она снимала квартиру вместе с одной девушкой, поэтому мы предпочитали встречаться у меня. Однажды она осталась у меня на ночь, а в три часа появился Эйб. Он был, по обыкновению, пьян. Я сказал ему, что в спальне Симона. Эйб посмотрел на меня с идиотской улыбкой, а то, что он сделал потом, лишило меня дара речи.

Эйб прошел в спальню, аккуратно приподнял одеяло и долго смотрел на спящую обнаженную женщину.

- Ты счастливчик, - пробормотал он и отпустил одеяло.

Потом резко развернулся и ушел, даже не стал, как обычно, принимать душ и не переоделся.

Вскоре после этого все и произошло. Та ужасная ночь, о которой я вам говорил... Но об этом я расскажу позже, сейчас мне бы хотелось немного отдохнуть.

Джош достал из кармана маленький пульт и нажал на кнопку. Сразу появилась медсестра и проводила его из гостиной.

Потом вошел Уолтер.

- Если желаете порыбачить, могу составить вам компанию, - предложил он. - У меня приготовлено все необходимое. До реки от дома меньше мили.

Я признался, что не любитель рыбалки, а также отклонил его предложение прогуляться по Фрипорту.

Вернувшись к себе, я почитал минут пять и заснул.

Мне снова приснилась Джули. Она стояла прямо передо мной - ярко накрашенная, в экстравагантной одежде, а рядом с ней стояла ее точная копия.

- Не знал, что у тебя есть сестра-близнец, - сказал я.

Мы были в пустой комнате. Я сидел на чем-то вроде трона с резной деревянной спинкой, а женщины стояли. Их длинные тени накрывали меня, словно саван.

- У меня нет сестры, - сказала какая-то из них. - И я не Джули, я Симона.

Я резко проснулся, с бьющимся сердцем и тяжело дыша от страха.

Джули меня полюбила, я это понял еще до ее признания. Такое случается во время терапии, особенно когда психолог - мужчина, а пациент - женщина или наоборот. Это называется «перенос». Есть пациенты, которые испытывают эмоциональный голод, и эту свою потребность они проецируют на человека, который ассоциируется у них с безопасностью, ответственностью и вниманием.

Когда я объяснил ей все это, Джули постаралась убедить меня, что это не ее случай.

- Признаю, вы мне очень нравитесь, - сказала она. - Но я не вижу в этом проблемы.

- В такой ситуации отношения терапевт - клиент, - я намеренно не использовал терминов «доктор» и «пациент», - не только аморальны, но и влекут за собой крайне высокие риски.

- Любые отношения рискованны, Джеймс. Влюбленные открывают свою душу, и чаще всего это приносит им боль, даже калечит. Но не потому, что их партнеры - плохие люди, а потому, что они холодны, или боятся, или и то и другое. Вы читали «Божественную комедию»?

- Один мой профессор считал, что ее обязан прочитать каждый, кто планирует стать психоаналитиком. Он считал, что эта работа Данте как нельзя лучше передает картину того, как человек представляет свой внутренний ад.

- Там в песни третьей есть загадочные строки. В пустынных землях в преддверии ада, где нет ни мук, ни жизни, поэт встречает персонажа, о котором говорит так: «Признав иных, я вслед за тем в одном узнал того, кто от великой

доли отрекся в малодушии своем»[5 - Перевод М. Лозинского.].

- Да, я помню эти строки. Данте адресует их папе Целестину Пятому, который жил в конце тринадцатого века и добровольно подал в отставку.

- Мне все равно, кому он их адресует, и меня не интересует история. Я слишком люблю мечтать и не позволю глупым играм вокруг правды и реальности разрушить мои фантазии. Высшая правда всегда в чреве беременной женщины, а не в книгах. Первобытные люди очень хорошо это понимали, когда выдумывали своих богинь.

Помню, Джули встала с кресла, глаза у нее были полуприкрыты, как в трансе. Она медленно сняла одежду и встала напротив меня обнаженная, слегка расставив ноги и опустив руки.

- Есть только это, - сказала Джули. - Жизнь здесь, бежит через мое тело, все остальное не существует.

Я молчал и даже не пошевелился. Она была невероятно красива. Белье оставило на ее коже тонкие, похожие на старые шрамы полоски.

- «Отрекся в малодушии своем», - повторила Джули и, обойдя стол, приблизилась ко мне. - Похоже, мы все вынуждены выбирать между пустотой лимбо и муками в аду. Что выберешь ты, Джеймс?

Глава седьмая

Я пошел в душ и несколько минут стоял под струями горячей воды, пытаюсь прийти в себя. Воспоминания о Джули наполнили каждую клеточку моего тела мучительной тоской. Одновременно я пытался оценить риски, которым подвергнется Джош во время сеансов гипноза.

Джош ждал меня в гостиной, в кресле у кофейного столика. Войдя в комнату, я почувствовал себя так, будто гостил в этом доме уже несколько месяцев. Как только я устроился в кресле у столика, Джош продолжил свою историю.

Интонация на этот раз у него была другой, он говорил уверенно, слова выстреливали, как пули. Он пересказывал события из своего прошлого так, будто стремился быстрее избавиться от тяжелой ноши, которая давила на его плечи все эти годы.

– Симона рассказала мне, что виделась с Эйбом. Он пришел в фонд, отыскал ее и настоял на разговоре тет-а-тет. Они пошли в ближайшее кафе.

Битых два часа Эйб говорил обо мне у меня за спиной. Напридумывал черт знает что. Внушал Симоне, что я совсем не такой, каким стараюсь себя выставить, что на самом деле моя цель – обмануть ее и завлечь в грязную игру, как я всегда и поступал со всеми женщинами. Наплел, что после нашего возвращения из Лиона я признался ему в любви к ее младшей сестре Лауре. Что я собираюсь пригласить ее в Нью-Йорк и там соблазнить.

Выражался он, конечно, не так, как я сейчас, то есть прибегал к бранным, нецензурным словам. Он назвал меня развратником и поведал, что я еще в университете изнасиловал его подругу и заплатил ей за молчание. Говорил, что думает спрятаться от меня в Мексике, но хочет уехать из Парижа с чистой совестью: мол, не сможет жить спокойно, сознавая, что именно он меня с ней познакомил.

Симона сказала, что не верит ни одному его слову, и спросила, почему он не рассказал обо всем этом раньше. Эйб ответил, что просто не представлял, насколько все серьезно. Сказал, что только после нашего возвращения из Лиона, когда я обмолвился о свадьбе, он понял, что я заигрался.

Дальше он заверил ее в том, что, если у нее хватит сил посмотреть правде в глаза, он готов представить доказательства своих слов. Для этого ей надо только прийти к нему в номер в гостинице, где-то в Восемнадцатом округе. Эйб сказал, что там он хранит письма и фотографии, которые не намерен выносить из гостиницы.

Когда Симона закончила свой рассказ, я даже не знал, что сказать, и никак не мог понять, что именно заставило Эйба наговорить обо мне столько. Я попытался убедить Симону не ходить на эту встречу. Но она заупрямилась, и не потому, что поверила хоть одному слову Эйба, пусть он и обещал какие-то доказательства. Нет, просто она его жалела. Симона была уверена, что Эйб пережил нервный

срыв и очень быстро мог просто-напросто сойти с ума. Она надеялась, что терпение и доброе отношение вытащат его из этого состояния и он поймет, что мир, который он для себя создал, не имеет отношения к реальности.

Я сказал, что мы с ней не психиатры и она играет с огнем. Припомнил историю об одном парне из колледжа по имени Грин. У этого парня на первом курсе случился психоз. Он у себя в комнате в общежитии соорудил вокруг телевизора что-то вроде алтаря. Украсил его пустыми тюбиками от зубной пасты и всяким хламом с помойки. Когда наконец-то за ним приехала «скорая», медикам пришлось с ним реально побороться, хотя парень он был тщедушный.

Я спросил Симону, правда ли она считает, что ее жизнь – или наша, если она согласится быть со мной, – зависит от того, сойдет Эйб с ума или удержится на краю.

Я заметил, что у Джоша к концу его рассказа начали сдавать нервы. Вначале, даже несмотря на боль, которую причиняли ему воспоминания, он был вполне уверен в себе. Но когда Джош дошел до этого момента, лицо его стало мертвенно-бледным и он стал похож на медленно сдувающийся воздушный шарик.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

По-английски стол – table, Авель – Abel. (Здесь и далее примечания переводчика.)

2

Ака?дия (фр. L'Acadie) – французская колония в Северной Америке, существовавшая в XVII–XVIII вв.

3

«Наездники свободы» (англ. Freedom Riders) – правозащитное общественное движение в США, основанное в 1960-х гг. Ставило своей задачей борьбу за гражданские права афроамериканского населения.

4

Отсылка к фильму «Выпускник» (1967). Режиссер Майк Николс.

5

Перевод М. Лозинского.

Купить: https://telnovel.com/chirovici_e/durnaya-krov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)